
где мой Транссиб весной, моя тяга к дыму,
угольный шлак у школ (не держи, пусти!
лучше расстреляну быть, чем тобой любиму...),
цепи платформ (пожалуйста, не гляди!) –

...что же я делаю, всё улыбаюсь Крыму,
только и знаю – его прижимать к груди...

...клуб и стройбат... детдом... уже не приеду.
лывы у станции, мокро и в сапогах.
где моё счастье – шлёндрать легко по свету?
где мои гонки – в ночь на товарняках?

всё отдала – чего нельзя исковеркать! –
каждый свой медный грош, нехитрый секрет...
детская мода – сквозь искры в ресницах зыркать:
в радужных пляшущих сферах выходит свет...

это метель ночная, Москва сырая,
это отчаянье (якобы торжество!)...

мой протопоп, в Пустозёрске своём сгорая,
«не позволяй, – кричит, – себе ничего!»

Вот часовой, обставленный тулупом,
у КПП; стоя в снегу лопата;
тот с гречкою котёл, тот с рыбным супом,
в обитой жестью кухоньке стройбата.

Терпеть – неразогбенным и бездумным...
На праздник здесь пельмени-самолепки.
Так говорят с глухим и слабоумным,
как с салабоном говорят в учебке.

Бездумным: безгранично и упорно
ждать, как на запасном пути – вагоны...
Слежавшаяся, выцветшая форма;
совсем недалеко укрепрайоны.

Соседних сопок ржавчатая охра
с кипрейной – к ветру! – роскошью заката:
огнём морковным ослепляют окна
общаги офицерской, медсанбата.

Все лица пальцев, полные вниманья,
там, в валенках, зажаты, сиротливы.
Как передать объёмный клуб дыханья,
его корпускулярность и разрывы?..

Не вспоминать про плитку в станиоле,
про вкус её – кофейный, нет, ванильный...
С пятком консервных банок в солидоле
тоскуя, дембеля гудят в гладильной.

Всю ночь (в казарме сонной – запах пота,
снов золотые протоплазмы, блямбы)

на проводах мотается у входа
решётчатый стакан висячей лампы.

Дурят, смещаясь, оружейки стены,
рябит, двоится яблонька в извёстке,
всё снится гибель Солнечной системы,
и вспышки пчёл, и сам на треть из воска,

здесь в валенки вмерзающий, недвижимый,
как Ерофей Хабаров у вокзала...
Тяжёлой сумкой снег цепляя пышный
на волю повариха почесала...

И что там письма, в гарнизоне *нади*,
товарищ старшина пёсьеголовый, –
дожить, дошкандыбать, смести не глядя
всё, что поставят – в как его? – в столовой...

Что детство, чай с малиной, дрянь касторки,
пред зверской жаркой зыбкостью матраца?..
... Чуть свет, оскриплым строем от каптёрки
отправятся взводá на чистку трассы.

Деду моему, Андрею

Я на свете холодном, на свете жестоком,
где достаточно грузов подьемлю,
ослабела от слёз о родном и далёком,
незаметно сошедшем под землю.

По-собачьи скулю и лицо закрываю,
и кусаю кофтёнки изнанку...
Ах ты господи, что это я вспоминаю
берег речки, консервную банку,

и срезанье талы, и срубанье лесины,
на руке его тёмной букашку,
и сутулую старую милую спину,
и фуфайку его и рубашку.

И валежину нашу в лесу за болотом,
и следы его перед собою,
и в дырявом ведре дымокур под заплотом,
и его с топором иль пилою.

Свои детские в карих порезах колени,
низкий день слюдяной непогожий,
сеновал, тёмный дождик, и чистые сени,
и его же, его же, его же...

Все стропила, воздетые им, уцелели,
все сады потупляют верхушки ,
а он словно ребёнок лежит в колыбели,
и древесные стружки в подушке.

Обихожены и долговечны колодцы,
печи все горячи и недымны,
а он, смертный, с подземною влагой сольётся
и смешается с глиной родимой.

Все часы, им излаженные, продолжают
тем, живущим, показывать время.
Он воспрянет растением и не признает
человечье горчайшее племя.

опомнюсь и очнусь – ведь ничего нет проще:
на брезжущийверху тяжёлый снежный свет
пойду как пузырьёк воздушный через толщи
моих невидных дел и бесполезных лет...

пробьюсь в молочный день, где стёкла запотели
от пара чугунов, кипящих на огне.

как долго я спала на маминой постели,
и стук и бряк родных слыхала в полусне.

мне чудилось: во мне – тьма ало-золотая,
и только там, где сердце – лучистый полукруг.
как сладко было жить, себя не сознавая,
но интересно знать покорность ног и рук...

...на целую-то ночь был белый свет в пропаже!
и весело теперь глядеть на всё подряд:
вон миска на окне, вон табуретки наши,
вон валенки мои подшитые стоят...

едва откроют дверь – сейчас в её проёме
взойдут клубы мороза - искать у нас уют.
а куры, в холода спасаемые в доме,
превесело, как дождь в своё корытце бьют...

как долго длилась ночь! не проступали окна,
иссякнул ток тепла от печки, лишь один
петух не спал, порой охлопывая стёгна,
да тихо пахнул в лампе душистый керосин...

и размышляла я, толкая мать несмело,
что дед Андрей, защитник, ровно убитый, спит,
а может, из лесов, с болот заледенелых
всё кто-то к нам идёт, под окнами стоит...

...внесли, меж тем, и хлеба, и пёстрой соли крупной!
восходит, расточаясь, кудрявый пар сквозной
от матовых, тугих, растрескавшихся клубней
над стёршейся клеёнкой в штриховке ножевой...

и ликование счастья мне душу переполнит,
когда, крестясь на бедный, суровый в окнах вид,
о Вербном воскресенье прабабушка примолвит,
и от нестертой влаги лицо её блестит...

ушьюсь, ушьюсь одна за вербой на протоку!..
весь в раковинах воздуха молочно-серый лёд.
под палевыми тучами, без окрику, без сроку
скользить за чёрной рябью несметною болот

на валенках!.. да пяткою из ледяного плена
воздушные серебряные бусины спасать,
глазеть во глубь реки, вставая на колена,
чешуйки верб на тёмный, зеркальный лёд ронять...